

Портрет коллекционера

Независимая раб. — 1993. — 19 июля. — С. 7.

ОДНОЙ из колоритных фигур старой Москвы был Алексей Петрович Бахрушин (1853—1904), один из со- владельцев фирмы «Товарищество кожевенных и суконных мануфактур А. Бахрушина и сыновья». По размаху деятельности, экономическому могуществу имя Бахрушиных можно поставить в один ряд с именами Морозовых и Мамонтовых, Гучковых и Прохоровых, Хлудовых и Рябушинских. Представители дома Бахрушиных избирались гласными в Московскую городскую думу, занимали ведущее положение в крупных банках, активно участвовали в деятельности Московского биржевого комитета. Известны они были своей благотворительностью, культурными традициями, страстью к собирательству.

Выросший в старой, еще сказочно богатой историческими памятниками и воспоминаниями Москве, А. П. Бахрушин рано проявил интерес к коллекционированию. Начало его библиотеке было положено в 1872 году, когда он, девятнадцатилетним юношей, приобрел книгу «Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцев». Вероятно, с 1878 года он уже осознанно стал приобретать в свою коллекцию книги, картины, рисунки, гравюры — все, на чем лежал отпечаток старины. Каждое воскресенье тучную фигуру Алек-

Бахрушин А. П.

сея Петровича видели на «Сухаревке». Его огромная и универсальная по составу коллекция могла сравниться в Москве только с коллекцией его современника Петра Ивановича Щукина.

Главным в своем собрании он считал библиотеку. В тридцати трех ее отделах была собрана литература преимущественно по истории России. Отличная подборка книг составляла такие разделы, как «Биографии», «Археология», «География», «Этнография», «Художество»; здесь были уникальные справочники и библиографические указатели, редкие путеводители по городам. «Библиотекой в библиотеке»

можно было назвать собрание книг о «первопрестольной»: его дополняя превосходная (около 400 листов) коллекция гравюр с видами Москвы и планами города XVII—XIX веков. В его библиотеке была собрана чуть ли не исчерпывающая литература по истории музейного дела, а из путеводителей и каталогов по музеям, выставкам, древлехранителям и ризницам он, кажется, не пропустил ни одного.

Один из родственников писал в мемуарах: «В погоне за старопечатными и рукописными книгами он свел дружбу с монахами всех московских монастырей. Попутно он собирал и другие памятники отечественной старины. Глядя на тучную, добродушную фигуру и лицо Алексея Петровича, трудно было предположить, что в этом ленивом и неповоротливом с виду человеке живет кипучая, всепоглощающая страсть к собирательству».

«Попутно» собранная коллекция предметов быта и декоративно-прикладного искусства включала бронзу, медали, миниатюры на кости, гравюры, литографии, фотографии, рисунки карандашом, пером, гуашью, углем и акварелью, фарфор, стекло, майолику.

Только портретных миниатюр в ней было около 300, редкого русского фарфора и фаянса — около 200, а таких раритетов, как шитье бисером и финифть, — почти тысяча предметов.

В гостеприимном доме Бахрушина на Воронцовом поле (он сохранился и поныне) регулярно по вторникам собирались писатели и художники, историки и архитекторы, коллекционеры и библиофилы. В домашнем музее Бахрушина, размещенном в лучшей комнате особняка, среди бесконечных дубовых шкафов с книгами и застекленных витрин, хранящих редкости, гости задерживались далеко за полночь: каждый раз хозяин коллекции демонстрировал новые приобретения.

Алексей Петрович не скрывал своей страсти и о себе писал: «Этот человек теряет сон и аппетит, если увидит хорошую вещь (какую бы то ни было) в чужих руках, тотчас же старается ее приобрести — в этом отношении он очень завистливый человек». Но не было для него и большей радости, чем показать коллекцию и рассказать о ней всякому, желающему с ней познакомиться. А если кто-то находил в ней материалы для научной статьи, для картины или архитектурного проекта либо для постановки спектакля, Алексей Петрович считал себя безмерно счастливым.

Все свое богатейшее наследие Бахрушин завещал Москве, и после его смерти оно поступило в Императорский Исторический музей, в котором до 1917 года существовало два зала его имени.

Надежда ПОЛУНИНА